

КОНЦЕПЦИЯ КРАСОТЫ ЧЕЛОВЕКА В РОМАНАХ В.НАБОКОВА

Красота является ключевым словом, если говорить о стилистике и семантике прозы В.Набокова. Вся концепция литературного творчества была построена писателем на понятии эстетизма, наслаждения, которое необходимо получать в процессе чтения художественной литературы.

Набоков нередко пытается раскрыть внутреннюю красоту героя введением в образ романтической ноты. Так, Лужин («Защита Лужина») преобразуется в сценах с любимой девушкой. Набоков в предисловии к роману отметил: «Он неуклюж, неряшлив, некрасив – но, как очень скоро замечает моя нежная барышня..., в нем есть что-то, что перевешивает и грубость его серой плоти, и бесплодность его темного гения» [7; с.54]. «Тяжелые движения его души, как бы поворачивавшейся спростонья и засыпавшей снова» [4; с.73], равнодушие, неразговорчивость и угрюмость внезапно приобретают в устах девушки оттенок трогательности, незащитности, и возникает «трудно определяемая прелесть» [4; с.73], которую чувствует лишь она. Влюбленность девушки неординарна, – она восхищается негативными чертами Лужина; она находит его неповоротливость и сумрачность романтическими. Набоков углубляется в исследование психологии страсти: невеста Лужина очарована угрюмостью, нелюдимостью жениха, его неразговорчивостью и крайней рассеянностью, граничащими с невежливостью, а подчас и с грубостью. Его внешность – это собрание малопривлекательных черт: хмурый взгляд, нездоровая полнота и серый оттенок кожи, плохо выбритое лицо с выражением постоянной растерянности. Но девушка находит удивительными его узкие глаза с тяжелыми веками, «как бы запыленные чем-то» [4; с.76], в которых одна она сумела разглядеть «синеватый, влажный блеск» [4; с.76] с примесью безумия. Набоков словно нарочно подбирает нелепому Лужину подобную пару: его избранница не менее несовершенна, – ее облику до гармонии остался всего лишь шаг, но природа его так и не совершила, – незаконченность сквозит в ее чертах, мелких и правильных, – «обещание подлинной красоты, в последний миг не сдержанное» [4; с.75].

Набокову очень важна красота окружающего мира, не только внутренняя красота человека. Так, с годами Лужин изменяет привычным шахматным партиям, предпочитая «слепые» матчи, дабы не иметь дела с грубым деревянным овеществлением «прелестных, незримых шахматных сил» [4; с.81]. Происходит одушевление предмета, придание ему неких метафизических свойств. Деревянный облик шахматных фигур для Лужина – не что иное, как грубая земная оболочка для совершенно неземного феномена, которому посвящено все его Я, а вычурность резьбы лишь ухудшает отношение Лужина к материальному воплощению шахмат: внешний лоск отвлекает от высшей силы их духа и внутренней красоты.

По замечанию И.Слюсаревой, в основу романа положена мысль Набокова о том, что «красота и жизнь не соединяются, потому что пути домой нет» [4; с.136]

Набоков ироничен по отношению к своим персонажам: так, внешность Горна («Камера обскура») нравится не только Магде, но и Кречмару, не подозревающему о связи приятеля и любовницы. И здесь мы сталкиваемся с искаженным восприятием мира и красоты набоковских героев: Горн представляется «урод уродом» [6; с.124], но его привлекательность для обоих любовников состоит практически в одних и тех же чертах – болезненная бледность, впалость щек, воспаленность губ... Недаром Магда говорит о Горне – «отталкивающая морда» [6; с. 125], однако ее определенно притягивает эта непривлекательность. Несколько позже она подтвердит, – «Да, я тебя люблю, такого большого уroda...» [6; с. 140]. Фальшивая, уродливая красота тела и души властвует над героями Набокова более подлинной...

Набоков испытывает своих героев при помощи искусства: так, именно во время киносеанса исчезает красота Магды, правильность ее черт нарушается. Изящная и романтическая сцена «фильмы» (невеста, заслышав жениха, бросает книгу и кидается к окну) в исполнении Магды опошляется: взгляд ее дик, а, разворачиваясь к окну и ложась грудью на подоконник, она поворачивается «задом к публике» [6; с. 159]. Извращается весь сюжет фильма: грациозность и утонченность невесты преобразуются в корявость, простоватость, «стесненность движений» [6; с.161]. Одутловатое лицо на экране выдает наследственность простолюдинки Магды. Набоков тонко подчеркивает недалекость, ограниченность девушки – так, при встрече с братом Магды Кречмар отмечает его неумное лицо – «и все же очень похожий на Магду» [6; с.88]. Лживость Магды косвенно подтверждается, когда Кречмар отмечает, что «Отто лжив и груб, что горячность его неискренна» [6; с.90].

Нелестное описание внешности Горна, данное Магдой, отражается в образе его героя в произведении Зегелькранца, – писатель словно бы нарочно выводит на первый план наиболее отвратительные черты его внешности: плотоядный рот, обезьяний тип лица, большие заостренные уши.

Немало внимания уделяет Набоков изучению темперамента героев, который зачастую прогнозируется соответственно сознанию персонажа. Герой романа Зегелькранца Герман, увидев девушку, прообразом которой являлась Магда, делает предположение об ее национальности – испанка – только из-за крепкого и терпкого запаха ее духов; однако неверная посылка приводит к почти правильному выводу. Рот девушки, внешне мягкий и яркий, способен раскрыться и поглотить сначала только зеркальце дантиста, а позже и приближенных к нему людей. Далее как бы вскользь проходит воспоминание Германа о давней связи с берлинской танцовщицей, речь которой напоминала речь «Магды», – девушка была красивой и вульгарной, – так параллельно создается точный психологический портрет Магды. Образ госпожи Гейз представляет собой пародию на Марлен Дитрих: ее подрисованные губы, жеманные жесты, улыбки в профиль и «в профиль» крашенные ресницы, блестящие крылья носа, потерявшие или спалившие «свою порцию пудры»

создают образ «марленообразной шоферши» [5; с.58], что комично для презирующего ее Гумберта.

Заплаканные глаза Лолиты («Лолита»), очаровательные своей припухлостью и розовостью после плача, – также сквозная деталь образа девочки. Причем в пристрастиях Гумберта особенно подчеркнута определенная нездоровость: его привлекают различного рода отклонения, в том числе и во внешности возлюбленной. Глаза Лолиты становятся болезненно соблазнительными вследствие того, что черты девочки расплываются и припухают «после бурных слез» [5; с.74], что, по мнению Гумберта, придает ей особую эротичность. Эффект заплаканных глаз распространяется даже на Шарлотту – в драматический момент ее смерти Гумберт замечает ее мокрые после плача черные ресницы – слипшиеся, «как твои, Лолита!» [5; с.124].

Как отмечает Р. Морено-Дуран, «нет никакой надобности в том, чтобы привлекательность нимфеток скрывалась лишь во внешней красоте, потому как подобные создания отличают совершенно иные «добродетели»: бесстыжие и дерзкие, увенчанные ореолом смертельной грации» [3; с.3]

Еще один аспект красоты персонажа вводится оригинальным авторским приемом. Набоков использует множество медицинских описаний особенностей внешности Лолиты, – совершенно прагматичные на первый взгляд и глубоко эротичные в контексте описания Гумбертом: раздавшиеся «подвздошные косточки» [5; с.75] демонстрируют именно подростковые – не детские и не взрослые – черты, а «липкая и горячая» «шейка» [5; с.75] – невыносимое томление Гумберта.

Психологизм физиологических деталей портрета Лолиты проявляется особенно ярко в сопоставлении с портретом ее матери. Когда Лолита садится в автомобиль, ее «золотистая голень» изящно исчезает в автомобиле, то Г-жа Гейз сопровождает свой гневный спич, обращенный к Лолите, «извиваниями резиново-красных губ» [5; с.77]. Золотистость кожи – деталь, неоднократно обогащающая портретную характеристику Лолиты в различных вариациях: так, после летнего отдыха ее ноги и руки покрывает «густой золотисто-коричневый загар», на фоне которого царапины на коже образуют «пунктир из крошечных запекшихся рубинов» [5; с. 132]. Если Лолитины «бледные сосцы» вызывают у него вожделение, то «царственные сосцы» [5; с.89] Шарлотты лишь раздражают; голенастые и длиннопалые ноги Лолиты восхищают – а длинные загорелые ноги Шарлотты кажутся ему «столько же соблазнительными, как ноги гнедой кобылы» [5; с. 104]. Сравнение с кобылой будет не раз преследовать Шарлотту в устах Гумберта, – она опускается на ручку кресла «увесистым крупом в шотландской шерсти» [5; с. 109]. Портретная деталь образа Шарлотты призвана отобразить негативизм со стороны Гумберта.

Как подчеркивает И. Броде, «Набоков ... вводит нас в заблуждение рассказами Гумберта о своей красоте... В нем есть изысканность, "старосветская" учтивость, внешняя доброжелательность и робость, но все это сторает в "огненном хаосе" воплощенного в реальность "нимфоманства", его преступного сумасшествия» [1; с.5], – еще одно подтверждение о красоте ущербной, что характерно для набоковской прозы.

Л.Дрознер отмечал, что "Идея Набокова" – это одно из проявлений гармонии, красоты – назовите как понимаете» [2; с.10]. Писатель искал гармонию в каждом проявлении жизни, и, не найдя ее, безжалостно показывал изнанку реальности, тем самым позволяя максимально приблизиться к пониманию загадок, которые преподносит судьба.

Литература

1. Броде И. Лолита. "Вестник" №5(212), 2 марта 1999
2. Дрознер Л. Письмо автору. Ноябрь 2000. Литературный побег.
3. Морено-Дуран Р. / R.H. Moreno-Duran, Владимир Набоков: разящая страсть прекрасных нимфеток "La Jornada Semanal.com", Испания, 10 ноября 2002
4. Набоков В. Защита Лужина. М., Фолио, 2001.
5. Набоков В. Лолита. Харьков, Фолио. Москва, АСТ. 2000.
6. Набоков В. Камера обскура. М. Фолио, 2001.
7. Набоков В. Предисловие к роману «The defence» // Pro et contra, М. – 1997. – С. 54-55.
8. Слюсарёва И. Построение простоты: Опыт прочтения романа В. Набокова "Защита Лужина" // Подъём. 1988 . № 3. С. 136

Аннотация

О.В.Донцова. Концепция красоты человека в романах В.Набокова.

Красота как ключевое понятие философии писателя Набокова не была выделена в отдельную линию исследования набоковедцами, однако представляется необходимым компонентом при исследовании психологизма творчества Набокова в целом. Отдельные стороны набоковской концепции красоты были подняты в работах И. Броде «Лолита», Л.Дрознера «Письмо автору», Р. Морено-Дуран «Владимир Набоков: разящая страсть прекрасных нимфеток», И. Слюсарёвой «Построение простоты: Опыт прочтения романа В. Набокова "Защита Лужина"».

Целью данной статьи является исследование категории красоты как семантического компонента прозы В.Набокова.

Актуальность статьи обусловлена тем, що концепция красоты как определяющая философско-этическую концепцию писателя недостаточно изучена, но представляет интерес для исследования особенностей психологизма набоковской прозы.

Ключевые слова: физиологическая деталь, гармония, портрет, внутренняя красота, духовность.

Анотація

О.В.Донцова. Концепція краси людини в романах В.Набокова.

Красу як ключове поняття філософії письменника Набокова не було виділено як окрему лінію дослідження набоковцями, однак краса є необхідною компонентою у процесі дослідження психологізму творчості Набокова в цілому. Окремі сторони набоковської концепції краси було висвітлено у роботах І. Броде «Лоліта», Л.Дрознера «Лист автору», Р. Морено–

Дуран «Володимир Набоков: разюча пристрасть прекрасних німфеток», І.Слюсареві «Побудова простоти: досвід прочитання роману В. Набокова "Захист Лужина"».

Метою даної статті є дослідження категорії краси як семантичної компоненти прози В.Набокова.

Актуальність статті зумовлена тим, що концепція краси як та, що є визначальною філософсько-етичною концепцією письменника не є достаньо вивченою, але становить інтерес для дослідження особливостей психологізму набоковської прози.

Ключові слова: фізіологічна деталь, гармонія, портрет, внутрішня краса, духовність.

Summary

Beauty as the key notion of V.Nabokov's philosophy wasn't cultivated as a separate trend of the scientific investigation but represents itself as an indispensable component while researching of the psychological analysis of Nabokov's creative work at whole. Some points of Nabokov's interpretation of beauty are stressed out by such researchers as I.Brode "Lolita", L.Drozdner "A letter to the author", R.Moreno-Duran "Vladimir Nabokov: dramatic passion of beautiful nymphets" and I.Sliusareva "Simplicity creation: the experience of reading of a novel "The defence" by V.Nabokov".

The aim of the article given is to investigate the category of beauty as a semantic component of Nabokov's prose.

The actuality of the article is stipulated by the fact that the concept of beauty being fully significant for the philosophy-ethic conception of the writer has not been researched to the full extent but it represents the deep interest for the researchers of the peculiarities of the Nabokov's prose psychological analysis.

Key words: physiological detail, harmony, portrait, inner beauty, spirituality.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати В.В.Павленко (к.ф.н, доцент кафедри ЛКПЖ ДНУ)